

**РОМАН ФАИНЫ ГРИМБЕРГ «ПРИМУЛА»
КАК ИМАГОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЙ ТЕКСТ**

Марченко Т. М.

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры мировой литературы,
Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»
<https://orcid.org/0000-0001-6062-0517>
t.marchenko@forlan.org.ua

АНОТАЦІЯ

Марченко Т. М. Роман Фаіни Гримберг «Примула» як імагологічно значущий текст.

У статті вперше проаналізовано імагологічний зміст роману Ф. Гримберг «Примула» як принципово значущий в його художньому світі, перш за все – в жанровій моделі. Авторка твору звернулась до зображення біографії королеви Вікторії, однієї із найвидатніших постатей світової історії XIX століття, відтворивши її образ у нетрадиційному для російськомовної читацької аудиторії, вільному від стереотипів, однозначно позитивному ракурсі. Такому переосмисленню сприяв масштабний образ її країни, який, як і образ головної героїні, має статус центрального у творі. Образ країни конструється як тріада «космо-психо-логос» в парадигмі «свій» - «чужий», де опозиційна роль «чужого» належить Росії. Роман не можна повною мірою назвати ні історичним, ані біографічним, це свого роду текст-гібрид, він синтезує окремі риси обох жанрів, його форма і зміст значно ширші, вони мають чітко виражену документально-нарисову імагологічну основу.

Ключові слова: імагологія, імаготип, образ, етнічний стереотип, історичний роман, художня біографія.

SUMMARY

Marchenko T. M. Faina Grimberg's novel "Primula" as an Imagologically Significant Text.

The article analyzes for the first time the imagological content of F. Grimberg's novel "Primula" as fundamentally significant in his artistic world, primarily in the genre model. The author of the book turned to the image of the biography of Queen Victoria, one of the most prominent figures in world history of the 19th century. Her image has been recreated in a non-traditional for the Russian-speaking readership, free from stereotypes, in an unambiguously positive perspective. Such a rethinking was facilitated by the large-scale image of her country, which, like the image of the main character, has the status of the central one in the novel. The image of the country is countered as a triad of "cosmo-psycho-logos" in the paradigm "friend" – "alien", where the role of "alien" belongs to Russia. Author's assessments of "our own", "Russian" are often negative or contain a touch of irony and always lose in comparison with "foreign", "English". The documented arguments of the writer have a clearly expressed goal – to destroy ethnic stereotypes that have existed in the mass consciousness for decades.

The novel cannot be fully called either historical or biographical, it is a kind of hybrid text, it synthesizes the separate features of two genres. Its form and content are much broader, they have a clearly expressed documentary and essay basis. The stages of the fictional biography of the great queen are recreated in seven of the fourteen chapters of the novel. In the remaining seven chapters, the main character as a full-fledged character is absent at all, her image becomes an image-shadow, invisibly present in artistic reality. This is an image-emblem, image-sign, endowed with unambiguous semantics – the great queen of a great nation. It does not require biographical detailing, it targets readers with a specific perception of the historical era and extensive information about Great Britain and the British.

Key words: imagology, imago, image, ethnic stereotype, historical novel, fictional biography.

Постановка проблемы. Книги Фаины Гримберг, современной поэтессы и прозаика, переводчика и историка-балканиста представляют огромный интерес для исследователей, специализирующихся в области

литературоведческой имагологии, научной дисциплины, изучающей образы «чужих» – стран, культур, народов в дихотомии «Свой» – «Чужой» и механизмы их функционирования в художественных текстах. Имагологам стоит обратить внимание, во-первых, на чрезвычайно широкий спектр историко-культурных приоритетов автора – в сфере её творческого осмысления античность и средневековье, петровская эпоха и викторианство, династическая история Рюриковичей, Османов, Романовых и Ганноверов, судьбы народов и великих империй. Во-вторых, новаторская работа в достаточно традиционных для современного литературного процесса жанрах исторического романа и художественной биографии позволяет писательнице максимально насытить свои произведения материалом, который служит для читателей источником ментальных представлений о народах и странах – объектах её художественного изображения, способствует преодолению укоренившихся в широком общественном сознании этнических стереотипов. Особенно интересен в этом плане роман «Примула» (2005), посвященный жизни и царствованию английской королевы Виктории, вышедший в издательстве «Астрель» в серии «Великие женщины в романах».

Цель настоящей статьи – проанализировать имагологическое содержание романа Ф. Гримберг «Примула» как принципиально значимое в его художественном мире, прежде всего – в жанровой модели. Подобного рода анализ произведения, обделённого вниманием литературоведов, предлагается впервые.

Изложение основного материала исследования. Обратившись к одной из самых значительных фигур мировой истории XIX века, Ф. Гримберг верна своему основному творческому правилу, по мнению литературоведа и критика Д. Давыдова, она всегда «демонстрирует тотальную приязнь, симпатию (в первоначальном смысле слова) к своему персонажу» [3, с. 14]. Русскоязычная читательская аудитория, а именно ей адресован роман, видит королеву Victорию в довольно нетрадиционном, свободном от стереотипных представлений, однозначно позитивном ракурсе. «Монархиня мудрая,

умеренная, известная своей безупречной жизнью; добрая мать; примерная жена; образованная женщина; просвещённая покровительница искусств; искренний друг своего народа, одинаково близко к сердцу принимающая его победы и поражения» [2, с. 54]. Умеренность и образованность, многочисленные добродетели – эти авторские характеристики сами по себе явно недостаточны для преодоления устоявшихся представлений о викторианстве как воплощении «лицемерия и ханжества» (именно так трактует этот феномен современный «Словарь иностранных слов русского языка» (2009)). Тем более они недостаточны для формирования репутации великой королевы, в течение шестидесяти трёх лет стоявшей во главе «великой коммерческой нации», превратившей свою страну в «мастерскую мира» [2, с. 239], в империю, над которой никогда не заходит солнце. Именно масштабный образ её страны призван сыграть ключевую роль в художественном процессе переосмысления репутации исторической героини.

Эта авторская сверхзадача решается благодаря приёму, характерному для творчества Ф. Гримберг – она «...выстраивает многомерную картину, которую обыкновенно удаётся вычитать по кусочкам из разного рода безыскусных человеческих документов: дневников, писем, наивных жизнеописаний, неписательских мемуаров» [3, с. 14]. «Многомерная картина», именно так в композиционном плане выглядит роман, касается не столько обстоятельств личной жизни великой королевы, сколько успехов страны, которой она правила. Не случайно в третьей главе «Вступление к роману» писательница, обращаясь к читателям, подчёркивает «зависимость персонажей от других аспектов романа», пишет о своей задаче «рассказать о королеве Виктории больше, чем о ней известно из фактов» [2, с. 85-86].

Эта авторская интенция приводит к тому, что сюжетная линия, как правило отчётливо выраженная в историческом и биографическом романах, в анализируемом нами художественном тексте ослаблена в пользу обширных очерково-информативных фрагментов, воссоздающих имаготип – образ страны, процветающей Британской империи. Без него невозможна реализация

концепции исторического образа Виктории, Примулы, в эйдологической системе произведения, ибо «она – альфа и омега, начало и ...нет, не конец, а всё новые и новые начала!» [2, с. 84], – пишет Ф. Гримберг.

В соответствии с канонами жанра художественной биографии жизнь главной героини изображается с момента её рождения и до смерти. Однако рождение главной героини происходит только в четвёртой главе, которая называется «Одиночество невесты», поскольку вместила в себя сведения о целых двадцати годах жизни Виктории – сведения о детстве и воспитании, первые увлечения юности, важнейшие события – воцарение и коронацию, бракосочетание юной королевы. Следующие двадцать лет её жизни вновь «уместились» в рамках одной главы, пятой («Время рождений»). Это годы личного счастья, семейный быт, рождение девятерых детей, смерть горячо любимого супруга принца Альберта Кобургского. Очередной период в биографии королевы изображён в седьмой и восьмой главах. Годы траура и новая любовь вдовствующей Виктории к Джону Брауну, камердинеру покойного принца-консорта, вызвавшая глубокое осуждение двора и аристократических салонов Лондона. Неотъемлемым эпизодом жизни королевы стали династические браки её детей и внуков, устроенные ею в полном соответствии с политической целесообразностью и интересами Британской империи (десятая глава «Начинаются браки»). Последние главы романа – «Её старость», «Её смерть и конец девятнадцатого века» – представляют уход королевы как грандиозный конец великой эпохи. Это «золотой век Британии», и преддверие нового периода мировой истории – XX века, который многих «растерзает, искалечит, перемелет в песок» [2, с. 523]. В начале её царствования «ещё ходили почтовые кареты, а устрицами лакомились, доставая их прямо из бочонков; и Диккенс только начинал писать. И вот она уходила и оставляла всем остающимся державу, пароходы, железные дороги, телеграф, велосипеды, электричество, телефоны, автомобили... Она уходит, уходит Королева, уходит девятнадцатый век! Она оставляет людям прекрасные викторианские ценности – честность, сдержанность, деловитость; строгую викторианскую

нравственность. Им это ещё пригодится, им это будет помогать выжить в огненных ужасах века двадцатого!» [2, с. 523-524].

Выделенные нами вехи художественной биографии великой королевы, сюжетная часть романа, воссозданы в семи из четырнадцати глав. В остальных семи главах главной героини как полноценного персонажа нет вообще, её образ становится образом-тенью, незримо присутствующим в художественной реальности. Это образ-эмблема, образ-знак, наделённый однозначно закреплённой за ним семантикой – великая королева великой нации. Он не требует биографической детализации, он нацеливает читателей на определённое восприятие эпохи, выражая авторские представления и «ностальгию по Великому Времени» [5]. По сути – это очерки, скрепляющие в представлении читателей ту «многомерную картину» ментальных представлений об Англии и англичанах, о которой мы писали выше.

В первой очерковой главе Ф. Гримберг, посредством ретроспективного исторического экскурса, воссоздаёт целое созвездие королей, в котором Виктории предстояло занять место наиболее яркой звезды. Королева британского племени иценов, бесстрашная воительница Боудикка, несчастная Джоанна Грей, казнённая в 1554 году, Мария Кровавая Тюдор, стремившаяся вернуть Англию в лоно католичества, Елизавета Тюдор, сделавшая свою страну великой и богатой – её имя дало название целой эпохе английской истории – елизаветинской, Анна Стюарт, слабая, безвольная и легко управляемая. «Все Её (т.е. Виктории – Т. М.) предшественницы были добродетельны. Добродетель Её предшественниц предшествовала Её торжествующей добродетели», – констатирует автор романа [2, с. 9].

Во второй очерковой главе «Георгианское каре» вновь использован приём ретроспективного исторического экскурса. В ней воссоздана история династии Ганноверов, последней и, вновь наиболее яркой, представительницей которой была королева Виктория. Исторические портреты её предшественников и зарисовки их правления, нравы «старой» аристократической Англии лишь отчётливее подчеркивают масштаб перемен,

охвативших страну в эпоху буржуазного прогресса, в годы викторианства, описанных в следующих главах-очерках.

«Её страна, её столица, её подданные», «Её литература, её искусство, её наука», «Её турки, её русские», «Её Индия, её Бирма, её афганцы и проч.» – местоимение «её», лейтмотивом проходящее в тексте и связывающие в единую «многомерную картину» разные сферы и реалии жизни Британской империи, подчёркивают неразрывную связь между королевой и её страной и народом. Из обширного романного материала о Британии времён Виктории можно выделить и другие аналогичные темы – «её пресса», «её парламент», «её премьер-министры» (читателям дана возможность познакомиться с политическими портретами двух великих политиков эпохи королевы Виктории – Уильяма Гладстона и Бэнджамина Дизраэли).

Британская национальная картина мира воссоздаётся в романе в соответствии с известной триадой «космо – психо – логос», в своё время предложенной Г. Гачевым, и означающей единство национальной природы, психики и мышления [1, с. 11]. Так, география художественного текста включает пейзажные зарисовки Хэмпшира и Дорсетшира (зелёные долины с живыми изгородями, которые никогда не бывают сожжёнными солнцем, а источники никогда не пересыхают, пологие холмы и меловые утёсы, крытые красной черепицей дома фермеров и мельницы), городской пейзаж Лондона (рабочие кварталы Уайтчепелла и аристократический Вестминстер, рынок Ковентгарден и уголовная тюрьма Ньюгет), загородные резиденции королевы Бэлморал и Осборн. Гигантские масштабы Британской империи подчёркивают «колониальные координаты» – сказочно богатые Агра и Калькутта, изобилующий алмазами Трансвааль, таящие опасности горы Средней Азии, преграждающие европейцам путь в Индию. История колониальных завоеваний и войн, жестоких, кровавых, но победоносных в царствование Виктории (англо-бурские войны в Южной Африке, восстание сипаев в Индии), кратко, но информативно изложена в романе. И всё же, в своём увлечении героиней и свершениями её нации, Ф. Гримберг предлагает своим читателям неожиданную

и нетрадиционную для русской ментальности концепцию цивилизованных завоевателей и делает это довольно убедительно. «Под главенствующей рукой Британии, рукой, порою жестокой, жёсткой, суровой, Индия вырастит своих промышленников, собственных политиков <...> из этих суровых колониальных объятий Великобритании индусы выйдут готовыми к созданию почти единой индийской нации <...> Именно пройдя викторианскую колониальную школу Индия преобразится из конгломерата старых княжеств в молодое государство» [2, с. 379].

Вторая составляющая в триаде «космо-психо-логос» предполагает воссоздание особенностей национального характера, тех отличительных черт, которые выделяют британцев среди других народов и выражают специфику их ментальности. Огромный историко-культурный материал, включённый в текст романа, позволяет Ф. Гримберг выделить трезвый ум, осторожность, деловитость, добропорядочность как отличительные черты англичан, ставшие таковыми благодаря Виктории. Ссылаясь на современника королевы, писателя Эдуарда Моргана, она пишет: «Эти качества характеризуют среднюю буржуазию любой страны, но в Англии они сделались национальными чертами» [2, с. 82]. И, наконец, в годы викторианства «...страна научилась быть нравственной» [2, с. 212]. Ключевая роль в этом процессе, изменившем сам «дух нации», по мнению писательницы, тоже принадлежит Виктории: «Нация любила свою королеву, которая была просто женщиной, женой, матерью <...> Народ полагал семейную жизнь королевы идеалом, примером для подражания. Мало-помалу в высшем обществе выходило из моды быть светской львицей, блестящей наездницей, амазонкой. В моду входило: быть матерью, желательно даже и многодетной, а также и добродетельной супругой» [2, с. 199].

«Дух нации», её ментальность («психо» – в используемой нами триаде) наиболее полно выражает «логос», великая национальная литература, приобретая этот статус тоже в эпоху королевы Виктории. Подчёркивая эту взаимосвязь, автор романа постоянно обращается к текстам литераторов-викторианцев:

«Мы – это мы. Пусть время и судьба
Нас подточили, но закал всё тот же,
И тот же в сердце мужественный пыл –
Дерзать, искать, найти и не сдаваться» [2, с. 288].

Эти строки поэта-викторианца Альфреда Тениссона, далеко не единственные литературные источники имагологического содержания романа. «Викторианский бард» Редьярд Киплинг, великий мистификатор Льюис Кэррол и не менее великий антивикторианец Оскар Уайльд, классик мирового детектива Артур Конан Дойл и поэты-прерафаэлиты – все они – «Её литература», без которой не постичь викторианства. Именно поэтому их тексты в виде пространных цитат или аллюзий встречаем на страницах очерковых глав, воссоздающих образы «Её страны» и «Её нации».

Литературные тексты английских классиков далеко не единственные источники историко-культурной информации, формирующие интертекстуальный и, одновременно, имагологический пласт в художественном мире романа «Примула». Как отмечает А. Эткинд, «биография есть текст особого рода» [6]. Королева Виктория, исторический персонаж, такого рода художественный образ состоит не только «из букв и вымысла», как образы других литературных героев. Персонажи исторических биографий были «сделаны из плоти и крови»: «если герои текстов не являются плодом чистой фантазии, а опираются на некую реальность – эта реальность чаще всего известна автору из других текстов» [6]. Ф. Гримберг в своём образотворчестве в качестве «иной», исторической, реальности рассматривает, прежде всего, эго-документы – дневники самой Виктории, которые она вела всю жизнь, её обширную переписку, к примеру, с дядей – бельгийским королём Леопольдом, старшей дочерью Викторией Адельгейдой (Пусси), женой императора Фридриха Прусского. Образ страны тоже создаётся с помощью и на основе других текстов, их круг, помимо упомянутых выше литературных источников эпохи викторианства, включает античных авторов (Геродот, Тацит, Цезарь), народные песни, публицистику Дж. Арбетнота и детские стихи богослова и

поэта XVIII века Исаака Уотса, многочисленные газетные публикации, оценивавшие текущие события, политику королевы и её правительств. Исследователь здесь «имеет дело с экстратекстуальностью как предельным и, возможно, трансгрессивным феноменом интертекстуальности» [6], иные тексты наполняют художественный мир романа иными реальностями, расширяя ментальные представления читателей об историческом времени, в котором развивалась нация и страна.

Имагологическая значимость романа реализуется не только за счёт привлечения историко-культурных материалов, широкого круга источников, формирующих читательскую картину мира. Ф. Гримберг оценивает английский материал, собранный и художественно воссозданный в романе, в парадигме «свой» – «чужой». Именно поэтому так часты фрагменты, посвящённые истории русско-английских политических отношений, династическим связям, а иногда и «чистой» русской истории XIX века, рубежа XIX-XX веков. Авторские оценки «своего», т.е. русского, нередко негативны или содержат лёгкую долю иронии и всегда проигрывают в сравнении с «чужим», английским. Приведём несколько пространный, но, на наш взгляд, особенно показательный пример. В викторианской Англии «...русские либо дикари, либо революционеры. <...> Но в России Англию уже любят. Любят и ... гордо презирают! Любят за умение организовать бытовой комфорт, за удобные умывальники, за новые пружинные матрасы, за английских бонн – нянь-воспитательниц, самых добросовестных, честных и аккуратных. Ужасно любят английских жокеев. <...> Русским аристократам представляется благоустроенная страна, населённая уравновешенными людьми, умеющими превосходно устраивать свою внутреннюю жизнь. Такою русские видят Англию <...> Но большая часть населения огромной России не умеют ни читать, ни писать. И ни о какой Англии представления не имеют! <...> Англичан в России честят притворщиками, сухарями, грубыми материалистами! И за это презирают.... В салонах Петербурга и Москвы придумали себе англичан, которых удобно похвалить со снисхождением за замечательное изобретение ватерклозета и перед которыми так приятно

гордиться собственной выдающейся духовностью!» [6, с. 291]. А выводы главной героини о дурном государственном устройстве, прогнившем состоянии Российской империи и грядущей катастрофе, зафиксированные в её письмах и неоднократно приведенные в романе, служат примером необычайной политической мудрости и прозорливости королевы Виктории, подчёркивают преимущества английского конституционно-монархического правления.

Освещая особенности русско-английского политического противостояния на Балканах, Ф.Гримберг предлагает читателям по-иному взглянуть и на другие народы, чьи судьбы исторически пребывают в сфере английских и русских интересов. В очерковой по жанровой природе главе «Её турки, её русские» писательница детально показывает механизмы конструирования и тиражирования русской литературой, публицистикой, средствами массовой информации плакатного образа турка-зверя, «подлой нации» и её жертв – несчастных тружеников-болгар, страдающих под игом нечестивых мусульман. Документально подтверждённые доводы автора имеют явно выраженную цель – разрушить этнические стереотипы, десятилетиями существовавшие в массовом сознании русских, других славянских народов. Уже знакомая оппозиция «свой» – «чужой», в данном случае – «болгарин» – «турок», вновь повторяет те же негативные и позитивные коннотации, что и «русский» – «англичанин», и неожиданно для читателей переосмысливается. Русский медик Сергей Петрович Боткин, чьи «Письма из Болгарии» цитирует автор романа, пишет о болгарях («своих»): «Восторг, с которым якобы встречают болгары русских (т.е. освободителей – Т. М.), существует больше на бумаге корреспондентов <...> Нет, народ несимпатичный! <...> Ничего в мире не видел менее приветливого в манере себя держать, как держат себя эти люди: никогда улыбки, всегда смотрят волком» [2, с. 349, с. 351]. И здесь же характеристики «чужих»: «...Насколько болгары имеют вид тупой, заспанный, настолько турки (т.е. «звери» – Т. М.) имеют вид интеллигентный, бодрый, гордый; лица их чрезвычайно живописны...» [2, с. 348]. Как видим, критические автохарактеристики «своих» и безусловно позитивные

гетерохарактеристики «чужих» у Ф. Гримберг не случайны и имеют характер устойчивой тенденции, которая чётко вписана в общую концепцию романа.

Выводы исследования. Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы. Роман Ф. Гримберг «Примула» нельзя в полной мере назвать ни историческим, ни биографическим, это своего рода текст-гибрид, он, безусловно, содержит, синтезирует отдельные черты и того, и другого жанров, но его форма и содержание значительно шире, они имеют чётко выраженную документально-очерковую имагологическую основу. Перед нами – один из многих иноэтнокультурных текстов, который творит автор, повествующий на русском языке о нерусской реальности, выступая комментатором, посредником между двумя ментальностями – «своей» и «чужой». Э. Ф. Шафранская называет таких писателей референтами иноэтнокультуры, создающими «месседж» о другой стране и другом народе и сообщающими о них читателям, говорящим и читающим по-русски [4]. В этом – огромное историко-культурное и мировоззренческое значение этого романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Национальные образы мира: космо-психо-логос. Москва: Культура, 1995. 450 с.
2. Гримберг Ф. Примула. Москва: Астрель, 2005. 541 с.
3. Давыдов Д. Альтернативная вселенная Фаины Гримберг. *Фаина Гринберг. Статьи и материалы*. Москва: Книжное обозрение, 2014. С. 11-17.
4. Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX-XXI вв.: автореф. дис. ...доктора филол. наук: 10.01.01. – Волгоград, 2008. 42 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifopoetika-inoetnokulturnogo-teksta-v-russkoi-proze-xx-xxi-vv>
5. Элиаде М. Миф о Вечном Возвращении. URL: http://fidel-kastro.ru/religia/eliade/Eliade_Mif.htm
6. Эткинд А. Новый историзм, русская версия. Журнал НЛО. 2001. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/1/novyj-istorizm-russkaya-versiya.html>